

Андрей ЧЕРНОВ

А ОН, МЯТЕЖНЫЙ...

Постижение великого поэта — процесс трудный и неоднозначный. Проходит он как бы по законам обратной перспективы: чем дальше поэт, тем больше его роль в отечественной культуре. Каждый великий художник совершает титаническую социальную работу. Он устанавливает нормы литературного языка, определяет своим творчеством этическую норму. Эта норма, чаще всего отличная от представлений конкретной исторической эпохи, удивляет новизной, нередко озадачивает современников. О Лермонтове написаны сотни статей и исследований, тем не менее прочтение и осмысление его гения не заканчивается. В эти юбилейные дни «Литературная Россия» предлагает своим читателям исследование поэта Андрея Чернова, которое посвящено декабристской теме в творчестве и судьбе М. Ю. Лермонтова.

ПРИ жизни поэта преследовал шепоток сплетен. Когда поэт ушел, сплетни под именем Легенды или Версии заполнили мемуарную литературу и просочились в работы исследователей жизни и творчества поэта. Каким видела Лермонтова николаевская камарилья? Это нетрудно узнать по легенде: мрачным, неуживчивым, дерзким, надменным. И уже после смерти его наградили кличками Демон и Фаталист.

А он не был ни тем, ни другим. Три года назад Институт русской литературы Академии наук (его еще называют Пушкинским Домом) вместе с научно-редакционным советом издательства «Советская энциклопедия» подписали в свет первое издание Лермонтовской энциклопедии. Откроем в самом ее конце словарь языка поэта и выберем лишь те слова, которые поэт употреблял чаще других. Скажем, те, что встречаются более пятисот раз.

Что же это за слова? Гибель? Разрушение? Смерть? Ничуть. Любимые лермонтовские глаголы: знать, любить, хотеть, видеть, говорить, жить. Существительные — душа, сердце, жизнь, бог, слово, люди и человек.

Знать, любить, жить... Про страдание и смерть у Лермонтова говорится в пять, десять раз реже, чем про любовь и жизнь. И вот так, просматривая словарь поэта, убеждаешься, что Лермонтов-демон — вымысел и Лермонтов-фаталист — тоже.

Осень 1830-го — для России особая осень. Это болдинские дни Пушкина. И московские дни Лермонтова. Третьим октября 1830 года помечено зачеркнутое в тетради стихотворение «Новгород»:

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней
при имени свободы
Трепещет ваше сердце
и кипит!..
Есть бедный град,
там видели народы
Все то, к чему теперь
ваш дух летит.

Если б мы не знали автографа Лермонтова, можно было бы почти наверняка предполагать,

что этот набросок принадлежит Кондратию Рылеву. Тут и лексика его, и его особое дыхание строки. Но Рылев погубил, предан официально забвению. Приближается пятилетняя годовщина со дня декабристского восстания. Лермонтов, кажется, готовится ее отмечать. По крайней мере через два дня после недописанного «Новгорода» рождаются строки о погибшем бойце. Сам поэт определил жанр стихов вполне по-рылевски: «Дума».

Но думы Кондратия Федоровича рассказывали о вполне конкретных исторических лицах. Тут же, на первый взгляд, совершенно непонятно, могилу какого бойца Лермонтов имеет в виду. Но перечитаем эту думу:

Он спит последним сном давно,
Он спит последним сном,
Над ним бугор насыпан был,
Зеленый дерн кругом.
Седые кудри старика
Смешались с землей;
Они взвевались по плечам
За чашей пировой.

Рылев старше Лермонтова на девятнадцать лет. Для шестнадцатилетнего отрока он, казненный в тридцать один год, конечно, старик, отец семейства, белоловый вождь дружин русской свободы. Так что вид седых кудрей нас не должен смущать. Продолжаем чтение:

Они белые, как пена волн,
Бьющихся у скал;
Уста, любимцы бесед,
Впервые улад сновал.

Стоп. Но ведь действительно могила бойца, похороненного на морском берегу у скал, омытых белой морской пеной, могила, отмеченная не крестом, а курганом и зеленым дерном, — это рылевская могила. Он и четверо казненных по приказу Николая были зарыты на невском взморье, на острове Голодай.

Анна Андреевна Ахматова, анализируя пушкинский отрывок «Когда порой вспоминаешь», пришла к выводу: Пушкин искал могилу казненных декабристов, а пустынный остров, омытый холодной пеной, — Голодай.

Лермонтов не может знать этих стихов. Но поразительно совпадение дат: «Могила бойца» отмечена 5 октября 1830-го, а «Когда порой вспоминаешь» — исследователи датируют первой половиной октября того же года. Выходит, и Лермонтов ищет

Гипотезы. Догадки. Предположения.

место погребенья русских братов. Разумеется, мысленно, потому что физически он заперт в закрытой карантинной Москве. Однако продолжим:

И бледны щеки мертвеца,
Как лик его врагов
Бледнел, когда являлся он
Один среди их рядов.
Как похоже на Сенатскую площадь... Ряды пушек с уже дымящимися фитилями, мертвенно-бледный царь, и у самого Медного Всадника одинокий Рылев, скрестивший руки.

На то ль он жил и меч носил,
Чтоб в час вечерней мглы
Слетались на курган его
Пустынные орлы?

Хотя певец земли родной
Не раз уж пел об нем,
Но песнь — все песнь;
а жизнь — все жизненный
Он спит последним сном.

Нет, нельзя согласиться с тем, что эти стихи Лермонтова не связаны с конкретными событиями и лицами, что описан только некий бестовый древнерусский воин.

Созданная через два дня после наброска о Новгороде лермонтовская «Дума», на наш взгляд, напоминает об авторе «Войнаровского» и «Наливайко».

Итак, Николай I, видимо, даже не подозревает о существовании студента Михаила Лермонтова, а студент уже объявил ему войну и готовится к предъявлению страшного счета за казненных и сосланных, за заключенных и опальных, за всю российскую действительность.

Сосланный в Сибирь, Бестужев вскоре окажется на Кавказе, где и погибнет при загадочных обстоятельствах. Бестужеву разрешено публиковать свои произведения только под псевдонимом. Но читающая Россия очень скоро догадалась, кто скрыт под именем Марлинский. Авторитетный исследователь делает однозначный вывод: «Читатели знали, кто скрывается за фамилией Марлинский».

Знал, безусловно, и Лермонтов. Тем более, что Марлинский — один из кумиров юного стихотворца. Давно подмечено, что первую строку для своего знаменитого «Паруса» Лермонтов взял из поэмы Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переяславский».

Но почему-то, отмечая это, мы не задумываемся обычно, зачем Лермонтову понадобилась именно эта строка и что стоит за этим. Попробуем разобраться.

Белеет парус одинокий,
Как лебединое крыло...
Так у Марлинского. Лермонтов попробовал было вариант «Белеет парус отдаленный», но отказался и приблизил вновь к оригиналу.

Первая глава поэмы Бестужева была анонимно и без ведома автора напечатана в двадцать восьмом. В следующем, двадцать девятом декабрист уже на Кавказе. А в тридцать втором в «Московском телеграфе» появляется статья «Несколько слов от сочинителя повести «Андрей, князь Переяславский».

Итак, «Парус», написанный где-то в конце августа тридцать второго, каким-то образом оказывается связан с тем, что Марлинский в «Московском телеграфе» недвусмысленно дал понять, кто автор поэмы.

И вот 2 сентября в письме к Марии Лолухиной Лермонтов посылает стихи с цитатой из Марлинского:

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом,
Что ищет он в стране
Далекой?
Что инул он в краю родном?
Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит:
Увы! — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Струя под ним светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой —
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

И сразу за стихами, уже прозой, про себя:

«Прощайте же, прощайте! Я не совсем хорошо себя чувствую: сон счастливый, божественный сон испортил мне весь день... Не могу ни говорить, ни читать, ни писать. Странная вещь эти сны! Вымышленная жизнь более приятна, нежели действительность...»

И уже в постскриптуме: «Мне очень хотелось бы задать вам небольшой вопрос, но перо отказывается его написать. Если угадаете, хорошо, я буду рад, если же нет, то, значит, дай я этот вопрос, вы бы не сумели на него ответить?»

«Вопрос был разгадан, и Мария Александровна отвечала, что Варенька проводит однообразные дни, охраняющая ее от всяких искушений» — пишет по этому поводу исследователь.

Очевидно, потому, что вопрос, который поэт не может задать напрямую и на который он только намекает в письме, должен быть разгадан при помощи поэмы Марлинского.

Мария Александровна, видимо, неплохо разбиралась в новейшей поэзии и без труда разгадала вопрос. Да, действительно, дни ее сестры проходят скучно и однообразно. И впрямь, как у Марлинского: «...милая грустна в пыльном тереме высоком».

Как это почти всегда у Лермонтова, в одном произведении воля, буря, мятеж и покой сплетаются вместе. И вновь главная движущая сила стихов — любовь.

Но «Парус» имеет самое непосредственное отношение и к декабристу: «А он, мятежный, просит бури...»

Впрочем, сопоставляя свою судьбу с судьбой Бестужева, Лермонтов явно пророчит себе что-то подобное: вызов, который он вскоре бросит самодержавию, и гибель там же, на Кавказе.

Кажется, что у рока есть какое-то подобие плана. Это то, что Пушкин назвал «странными сближениями». В 1337 году убит Пушкин, и Лермонтов на всю Россию обвинит «тех», Следствие, заключение, Кавказ, где в том же году погибнет Марлинский, точно освобождая место для Михаила Юрьевича.

Но в тридцать втором до тридцать седьмого еще далеко. Пока же, приближая себя к мятежу и к расплате, ровно через два месяца после письма с «Парусом», поэт держит экзамены в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Почему? Но ведь Марлинский был офицером, и большинство декабристов — тоже!

Впрочем, двадцати одного года от роду Лермонтов уже прекрасно понял, чего стоили мундир и офицерская честь в самодержавной России. Они — просто престижная социальная маска. Не более.

Лермонтовский «Маскерад» публикуется до сих пор с исправлениями в посмертном издании названием: «Маскерад». Все-го-то и исправлена редакторами, не понявшими лермонтовской игры словом, одна, но очень важная буква, ведь архаическое «маскерад» — прозрачный каламбур: маске рад. Каламбур, важный для понимания всей пьесы, а точнее — фарса, сатиры современной и злободневной для России в тридцатые годы «комедии масок». Грибоедов назвал «Горе от ума» комедией. Лермонтов, словно полемизируя, называет свою пьесу «драмой». И это — тоже маска.

Уже на первых страницах, когда князь на ироническое «что стоят ваши эполеты?» отвечает: «Я с честью их достал, — и вам их не купить», безымянный понтер резонно замечает:

Скромней бы надо быть
С таким несчастьем
и в ваши леты.

«В своем рапорте цензор... высказывал опасение, что пьеса основана на действительном событии, случившемся в Петербурге, — читаем в комментарии к собранию сочинений. — возмущения цензора вызвал «резкий выпад против костюмированных балов в доме Энгельгардтов».

У Энгельгардта бывал, разумеется, под маской и сам царь. А «действительное событие» — это, к примеру, история с Безобразовым, которого государь женил на фрейлине, чье придворное звание оказалось тоже маской. История получила огласку как раз в тридцать четвертом.

Намек не то, что среди личин «Маскерада» и Николай, — весьма прозрачен. «КНЯЗЬ: — И даже там бываю, говорят... АРБЕНИН: — Пусть говорят, я нам какое дело? Под маской все чины равны, у маски ни души,

ни званья нет, — есть тело». Цензору «Маскерада» было обо что споткнуться в этой драме. Скажем, о такую сцену, которую, кстати, Лермонтов, перерабатывая пьесу, вынужден был снять:

КАЗАРИН

Со всеми он знаком,
везде ему есть дело,
Все помнит, знает все,
в заботе целый век,*
Был бит не раз,
с безбожником —
безбожник,
С святошей — ездит,
меж нами —

злой картежник,
А с честными людьми —
пречестный человек.
Короче, ты его полюбишь,
я уверен.

АРБЕНИН

Портрет хорош, —
оригинал-то сиверен!
Ну, а вон тот высокий
и в усах,
И нарумяненный вдобавок?
Конечно, житель
модных лавок,
Любезник отставной и был
в чужих краях?

* Здесь и далее курсив мой.
— А. Ч.

Конечно, он герой не в деле
И мастерски стреляет в цель?

КАЗАРИН
Почти... он из полка был
выгнан за дуэль

Или за то,
что не была на дуэли.

Боялся быть убийцей —
да и мать

К тому ж строга, —
потом, лет через пять,

Был вызван он опять
И тут дрался уж

в самом деле.

Внимательно прочитав эти строки, мы понимаем, по каким причинам они были исключены.

Книжная графика

Из иллюстраций И. ГЛАЗУНОВА к поэме М. Лермонтова «Мцыри» (издательство «Молодая гвардия») и М. ИЛЬИНОЙ к книге М. Лермонтова «Лирика» (издательство «Художественная литература»).

Хотя описаны не один, а два персонажа, вкуче они и впрямь «хороший портрет скверного оригинала».

Каждая строка — точный мазок к николаевскому портрету. «Высокий и в усах, и нарумяненный вдобавок», царь был неплохим психологом и отменным актером. (Первыми узнали это заключенные декабристы.) Он, «боясь быть убийцей», предупредил судей, что не согласится ни на какую казнь, связанную с кровопролитием. (Что в переводе с его языка значило «повесить!».) Он, перетрусив на Сенатской, «лет через пять» был вызван варшавскими повстанцами «и тут дрался уж в самом деле», оставаясь, впрочем, в Петербурге. Он... Но, пожалуй, проще перечитать еще раз.

Угадал Лермонтов и самое страшное. «Герой не в деле» действительно «мастерски» стрелял в цель. Не пройдет и трех лет, и ствол убийцы упрется в пушкинскую грудь.

29 января 1837 года Лермонтов требует к барьеру убийц

Пушкина. Николай Павлович получает копию последних шестнадцати строк «Смерти Поэта» по почте с заголовком «Воззвание к революции».

«...старшему медику гвардейского корпуса косетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он...»

Но мы-то знаем, что это была не выходка. Это был выход, и путь к нему лежал через тысячи написанных с отчаяния строк, через «Парус», «Могилу бойца», через всю жизнь.

25 февраля его судьба определена: Кавказ.

Не кандалы, не петля. Тихо, по-домашнему, переводом по службе. И даже без лишения чинов, ведь практика войны в ущельях показала, что офицер-

ские эпюлеты — прекрасная цель для горских ружей.

Впрочем, стальной косе, занесенной царизмом над поэтами, в тот год хватило Пушкина и Бестужева-Марлинского. Очередь Лермонтова только вслед за Одоевским.

О дуэли с Мартыновым написаны тома. Обратим внимание лишь на то, что, кажется, еще не привлекало внимания исследователей.

Роковая ссора произошла 13 июля 1841-го, в воскресенье вечером. И тут важно все. То, скажем, что ровно пятнадцать лет назад в этот день казнены декабристы. А поэты обычно не забывают таких годовщин. Трудно предположить, что за весь вечер разговор в большом обществе офицеров (среди которых было немало таких или иначе связанных с декабристами) ни разу не коснулся этой темы. И мы можем себе представить, что думал по этому поводу Лермонтов, а что — Мартынов.

Важно и другое. На следствии Мартынов проговаривается. Оказывается, последние сказанные Лермонтовым убийце в тот вечер слова были такими: «...Вместо пустых угроз, ты гораздо бы лучше сделал, если бы действовал...» Тут-то Мартынов и раскланялся.

Даже в мартыновской редакции эта фраза явственно созвучна той, что якобы услышал Иуда на Тайной Вечере: «Что делаешь, делай скорее». И вся ситуация после вечера у Верзилиных до рези в зрачках напоминает о той ночи, когда предатель-ученик встал и вышел в душную южную ночь. Выходит, что поэт перед дуэлью назвал Мартынова Иудой. И, верно, недаром. Но за что? Не знаем.

И еще. На склоне Машука Лермонтов, боевой и несентиментальный офицер, откровенно целит «на воздух», потому что,

назвав врага его настоящим именем, теперь он не может по-иному. Таков сценарий этой страшной недели. И Мартынов доказывает, что четыре года назад поэт ошибся: не чужеземец, с в о й поднял руку, зная или догадываясь, на что ее поднимает. Он, убийца, по-своему смел и не испугался лермонтовского пистолета, грозившего, впрочем, не пулей, но указавшего ему стальным перстом в сторону «Высшего суда».

Выстрел «на воздух». То, что взбесило Бенкендорфа в дуэли Лермонтова с Барантом. То, что трижды проделывал в разные годы Пушкин: ждал выстрела противника и отказывался от своего. И только предположив, в кровавый сугроб, он впервые стрелял в человека. «В напрасной жажде мщенья», — как точно поймет это Лермонтов.

Так поступили декабристы, вызвав Николая к барьеру у Медного Всадника и застав на ледяном сквозняке истории на долгие часы. Ожидая залпа и до последнего мига не веря, что братья будут стрелять по братьям, «русские — по русским».

Вот так мы и видим живого Лермонтова в самый последний миг: это словно не пистолет, а перст, указующий в сторону той высоты, с которой даже полет Демона приземлен.

Впрочем, вряд ли Мартынов понял смысл и той, произнесенной вслух библейской цитаты, и этой немой, жестовой самоцитаты из стихов о смерти Пушкина. Ведь ему было не до всей этой «мистики». Он спешил сделать то, что должен был сделать.

«Грядущее тревожит грудь мою...» — писал Лермонтов-отрок. Тревожит не страхом, а любовью и страхом за любовь, которая не умещалась ни в груди, ни в просторах его России. И потому еще раз повторим пять его заповедей: Знать, Любить, Видеть, Говорить, Жить.

